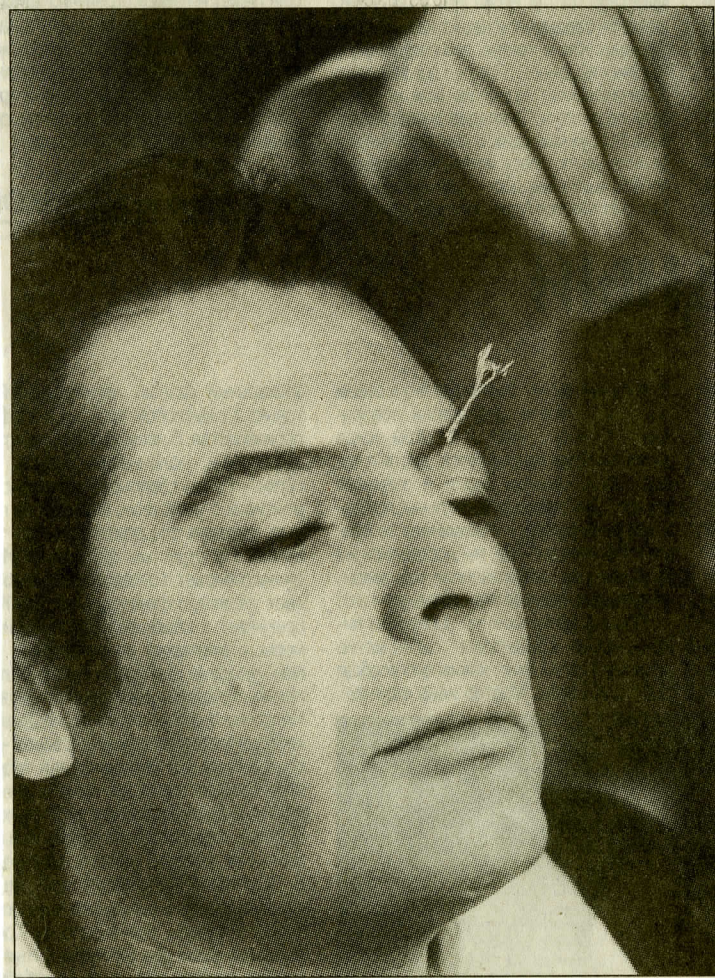

Четыре жизни папарацци

Тацио Секкьяроли в Московском Доме фотографии

Слева: М.Мастрояни.
Справа: С.Лорен с сыном. Из серии "Частная жизнь Софи Лорен"

няя выставка – первый совместный проект недавно возникшего Фонда Тацио Секкьяроли, Закрытого паевого инвестиционного фонда художественных ценностей “Собрание. Фотозффект” и Московского Дома фотографии (при поддержке “Росбанка”). Выставка проходит в рамках фестиваля “Мода и стиль в фотографии” – и это один из самых заметных его последних проектов.

Секкьяроли в фотографии прожил даже не две – четыре жизни. Первая жизнь принадлежала голодному мальчишке из пригорода Рима, который обнаружил, что в послевоенном городе фотоаппарат может прокормить. 19 лет от роду он стал уличным фотографом, снимая всех, кто готов был заплатить за карточку на память на фоне античных развалин. В 1944 году, сразу после падения режима Муссолини, туристов было негусто, зато вполне платежеспособными клиентами были американские солдаты.

Вторую его жизнь определила работа репортера. Она началась в 1951-м, когда Тацио Секкьяроли пришел в агентство Адольфо Порри Пасторела. Из ранних 1950-х на выставке – кипение страстей на демонстрации (мужчины в костюмах увлеченно мутузят друг друга, почти не замечая фотографа), фотографии маленького чистильщика обуви, ничего, который едет по улице в деревянной тележке в упряжке из двух собак, девушки в купальнике, позирующей для съемок “Мисс Италии”... Рядом с нищими, грозным, с трудом отходящим от войны Римом, который тосковал по былой славе, роскоши и красоте, возникал мир киношных грез. “Чинечита”, этот Голливуд на

улице – кладезь сюжетов. Вместе с Серджо Спинелли он основал агентство “Рома ПрессФото”. И из обычного репортера превратился в папарацци.

Если кино, вечная фабрика грез, кормилось за счет создания иллюзий, то находчивые папарацци извлекали выгоду из сеанса разоблачения. Заэкранная жизнь кинодив не имела никакого смысла вне отсылки к высокой мелодраме, разбивающимся вдребезги сердцам, роковым страстям и опасным приключениям... Вот прекрасная, как статуя, Ава Гарднер улепетывает на авто от преследователей с камерой, словно обычная девчонка от неприятных ухажеров. Вот невозмутимый англосакс Энтони Стил несется за юрким наглецом-фотографом, позабыв о хороших манерах. Его спутница, Анита Экберг, старается укрыться в глубине машины. Папарацци, наглецы и провокаторы, мелкие хищники большой прессы, в сущности, режиссировали свою постановку жизни. Местами она напоминала комикс, местами – фарс, иногда – гротеск. Для этой постановки предпочтительнее были “низкие” сюжеты, будь то купание звезд в фонтане или скандальный стриптиз в “Ругантино”, вышедший на первых полосах итальянских газет и вызвавший жуткий скандал.

Для самих фотографов, как ни странно, в этих съемках отчетлив был оттенок бунтарства. “Мы, фотографы, были бедными голодающими дьяволами, а у них было все – деньги, слава, шикарные отели. Швейцары и носильщики в фешенебельных отелях снабжали нас информацией, можете считать это солидарностью пролетариата”, –

вспоминал Тацио Секкьяроли. Бурзодо более отчетливо тот же мотив бунта и гнева проявится в гротескном портрете трех членов парламента, сделанном на вокзале в Риме в 1957 году. Более красноречивые физиономии трудно отыскать: каждая могла бы подойти для маски мошенника и прохиндея. Впрочем, если в случае с парламентариями речь идет о политической сатире, то съемка кинозвезд ближе площадной народной комедии, грубой, яркой, громкой.

Похоже, именно этот потенциал зрелища, комического, вульгарного, яркого, разоблачительного и оборожительного, оценил в съемках папарацци Федерико Феллини, когда он задумал “Сладкую жизнь”. “Я думал: а что, если рассказать историю, которая давала бы возможность показать широкую картину этой искусственной, такой поверхностной и плоской жизни? – расскажет позже Феллини. – Постепенно, листая иллюстрированные массовые журналы, наблюдая дамские моды, читая газетную хронику, я пришел к убеждению, что все мои недовольство и печаль, все мои противоречивые впечатления можно обобщить в одном фильме, отражающем определенный взгляд на общество”. Надо ли говорить, что “определенный взгляд” очень близок тому, о котором говорил Секкьяроли? И надо ли говорить, что их пути встретились вполне естественно? В 1958 году, на съемках “Сладкой жизни”, Секкьяроли начинает сотрудничать с Феллини.

Так начинается третья жизнь фотографа. Теперь он снимает на съемках фильмов. Может показаться, что папа-

рацци переметнулся в стан противника, предпочел роскошь Фабрики грез подножному корму охотников за сенсациями. Но, честно говоря, в случае Секкьяроли это не совсем справедливо. На мой взгляд, именно работа на съемках с Феллини – его звездный час. Причина именно в том, что они оказываются единомышленниками. А кроме того, Феллини способен оставаться самим собой даже на съемочной площадке. Благодаря Секкьяроли мы это знаем точно. Чтобы понять это, достаточно увидеть Федерико, в волнении кусающего руку на съемках “8 ½”, сидящего на коленях толстушки-актрисы, словно большой ребенок, показывающего Мастроянни движение, которое он хочет увидеть... Секкьяроли удалось поймать самое интересное – момент чудесного превращения игры в реальность искусства. Он сохраняет и комизм, и грубость, и нежность реальности, одновременно умудряясь уловить “отлет” от нее.

Потом, когда он станет личным фотографом Софи Лорен (и начнется четвертая жизнь – прирученного льва), реальность на его фото будет выглядеть хорошо срежиссированной постановкой, даже когда звезда держит на руках новорожденного сына, даже когда лежит в одиночестве топлес на пустынном пляже... Но Секкьяроли надо отдать должное – он делал все, чтобы запечатлеть живую встречу грезы и земной жизни. Другое дело, что звезды капризны и хотят оставаться олимпийцами, даже сходя с олимпа. Лучшее всего это доказывают съемки Софи Лорен в СССР...

Жанна ВАСИЛЬЕВА